

М. Леви

Дети свободы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
М11

М. Леви
М11 Дети свободы / М. Леви – М.: Книга по Требованию, 2019. – 159 с.

ISBN 978-5-458-03403-6

Литературная карьера Марка Леви, одного из самых популярных французских писателей, развивалась стремительно. Первая же его книга "Между небом и землей" (2000 г.) прогремела на весь мир и вскоре была экранизирована (продюсер Стивен Спилберг). Следующие шесть - неизменно бестселлеры, и не только во Франции - переведены более чем на тридцать языков., Роман "Дети свободы", изданный тиражом 400 000 экземпляров, написан на основе подлинных воспоминаний отца и дяди автора, мальчишками участвовавших в подпольной борьбе с оккупантами во время Второй мировой войны. Дети свободы - это подростки разных национальностей: испанцы, венгры, поляки, чехи, евреи, чьи семьи бежали по разным причинам во Францию, ставшую для них второй родиной. Мечтая о любви и жизни в свободном мире, они создают в Тулузе интернациональную бригаду, которая влилась в движение Сопротивления как самостоятельный отряд. Хроника этой яростной "уличной войны" написана от лица главного героя романа, Жанно, одного из немногих оставшихся в живых бойцов бригады.

ISBN 978-5-458-03403-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019
© М. Леви, 2019

Марк Леви
Дети свободы

пер. с фр. И.Волевич

Литературная карьера Марка Леви, одного из самых популярных французских писателей, развивалась стремительно. Первая же его книга "Между небом и землей" (2000 г.) прогремела на весь мир и вскоре была экранизирована (продюсер Стивен Спилберг). Следующие шесть - неизменно бестселлеры, и не только во Франции - переведены более чем на тридцать языков.

Роман "Дети свободы", изданный тиражом 400 000 экземпляров, написан на основе подлинных воспоминаний отца и дяди автора, мальчишками участвовавших в подпольной борьбе с оккупантами во время Второй мировой войны. Дети свободы - это подростки разных национальностей: испанцы, венгры, поляки, чехи, евреи, чьи семьи бежали по разным причинам во Францию, ставшую для них второй родиной. Мечтая о любви и жизни в свободном мире, они создают в Тулузе интернациональную бригаду, которая влилась в движение Сопротивления как самостоятельный отряд. Хроника этой яростной "уличной войны" написана от лица главного героя романа, Жанно, одного из немногих оставшихся в живых бойцов бригады.

*Мне очень нравится этот глагол -
"сопротивляться".*

*Сопротивляться тому, что нас ду-
шит, сопротивляться*

*предрассудкам, поспешным выво-
дам, стремлению*

*судить других, всему плохому, что
сидит в нас и только*

*и ждет случая вырваться наружу;
сопротивляться*

*желанию бросить всё и всех, жажде
сочувствия*

*окружающих, потребности гово-
рить о себе, забывая*

*о других, модным веяниям, нездоро-
вым амбициям*

и царящему вокруг хаосу.

Сопротивляться... и улыбаться.

Эмма Данкур

Моему отцу, его брату Клоду, всем детям свободы. Моему сыну и тебе, любовь моя.

Я полюблю тебя завтра, сегодня я еще с тобой не знаком. Для начала я спустился по лестнице старого дома, в котором живу, спустился, признаюсь тебе, поспешней обычного. Внизу, в подъезде, моя рука, скользившая по перилам, уже пахла пчелиным воском, которым консьержка усердно натирает их вплоть до площадки второго этажа - это по понедельникам, а по четвергам - дальше, до самого верха. Несмотря на свет, золотивший фасады, тротуар был еще в мокрых разводах предутреннего дождя. Подумать только: в тот день, беззаботно сбегая по ступеням, я еще ничего, ровно ничего не знал о тебе - тебе, которая однажды подарит мне самое прекрасное из того, что жизнь дарит людям.

Я вошел в маленькое кафе на улице Сен-Поль, времени у меня было полным-полно. В баре нас оказалось трое; в то весеннее утро мало кому выпал такой досуг. Немного погодя, заложив руки за спину, вошел мой отец в габардиновом плаще; он облокотился на стойку, делая вид, будто не замечает меня, - ему была свойственна какая-то особенная деликатность. Он заказал крепкий черный кофе, и я увидел на его лице улыбку, которую он пытался скрыть от меня, хотя это не очень-то ему удавалось. Наконец он побарабанил пальцами по стойке, давая мне понять этим условным знаком, что в зале "чисто" и я могу подойти. Коснувшись одежды отца, я ощутил его силу и тяжкую, гнетущую печаль. Он спросил, по-прежнему ли я "уверен в своем решении". Я ни в чем не был уверен, но все равно кивнул. Тогда он незаметно для всех отодвинул свою чашку. Под блюдцем лежала пятидесятифранковая купюра. Я отказался, но он сердито сжал зубы и проворчал, что не годится воевать на голодный желудок. Я взял деньги и по его взгляду понял, что мне пора уходить. Поправив каскетку, я открыл дверь кафе и зашагал по улице.

Минуя витрину кафе, я взглянул на отца, стоявшего в глубине бара, взглянул искоса, украдкой; он в последний раз улыбнулся мне и жестом показал, что у

меня расстегнут воротник.

В отцовском взгляде светилась какая-то странная решимость, и на ее разгадку мне понадобятся долгие годы, но даже сегодня, стоит мне закрыть глаза и подумать об отце, его лицо возникает передо мной именно таким, каким я запомнил его в ту, последнюю минуту. Я знаю, как ему было горько расставаться, и, думаю, он предчувствовал, что мы больше никогда не увидимся. Но он боялся не своей смерти, а моей.

Я часто вспоминаю нашу встречу в кафе на улице Сен-Поль. Наверное, человеку требуется немало мужества для того, чтобы похоронить сына, пока тот стоит рядом и пьет кофе с цикорием, чтобы смолчать и не сказать ему: "А ну-ка, марш домой и садись за уроки!"

За год до этого моя мать пошла в комиссариат за желтыми звездами. Для нас это стало сигналом к бегству, мы уехали в Тулузу. Отец был портным, но, конечно, он не собирался носить эту мерзость.

А в тот день, 21 марта 1943 года, я сажусь в трамвай и вот уже еду на станцию, которая не указана ни на одном плане города: еду искать подполье.

Десять минут назад меня еще звали Реймон, но с той минуты, как я сошел на конечной остановке 12-го маршрута, мое имя - Жанно. Просто Жанно, никакой фамилии. В этот пока мирный утренний час многие близкие мне люди даже не подозревают, что их ждет. Папе с мамой неизвестно, что скоро им вытатуируют номер на руке выше локтя; мама не знает, что на вокзальном перроне ее разлучат с человеком, которого, мне кажется, она любит даже больше, чем нас.

Да и сам я тоже не знаю, что через десять лет увижу в груди очков - груди пятиметровой высоты в музее Освенцима, - те самые очки, которые мой отец сунул в верхний карман пиджака при нашей последней встрече в кафе на улице Сен-Поль. И мой младший брат Клод не знает, что скоро я приду за ним и что, если бы он не сказал "да", если бы нам не довелось пережить эти годы вдвоем, нас давно бы уже не было на свете. Семеро моих товарищей - Жак, Борис, Розина, Эрнест, Франсуа, Марьюс и Энцо - не знают, что им суждено умереть с криком "Да здравствует Франция!", прозвучавшим почти из всех уст с иностранным акцентом.

Слова путаются у меня в голове, мешая думать связно; одно могу сказать наверняка: начиная с того понедельника, с того полудня, и в течение двух лет мое сердце будет биться в ритме, который задал ему страх; целых два года я жил в страхе и до сих пор просыпаюсь по ночам от этого мерзкого ощущения. Но рядом со мной спишь ты, любовь моя, пусть я пока еще об этом и не знаю. Итак, вот маленький кусочек истории Шарля, Клода, Алонсо, Катрин, Софи, Розины, Марка, Эмиля и Робера - моих друзей: испанцев, итальянцев, поляков, венгров, румын - детей свободы.

Часть первая

1

Нужно, чтобы ты поняла исторический контекст, в котором мы тогда жили: контекст вообще очень важен, например для отдельной фразы. Вырванная из контекста, она часто меняет смысл; сколько же фраз будут вырваны из своего контекста в ближайшие годы, и все для того, чтобы мы могли судить пристрастно и легче выносить приговор. Это привычка, которая с годами не исчезает.

В первые дни сентября гитлеровские войска захватили Польшу, Франция вступила в войну, и никто из нас не сомневался, что скоро наша армия отбросит неприятеля к границам страны. Бельгия была раздавлена сокрушительной мощью немецких танковых дивизий, и всего за несколько недель сто тысяч наших солдат погибли на полях сражений - на севере и Сомме.

Во главе правительства встал маршал Петен; спустя два дня один генерал ¹, не пожелавший смириться с разгромом, обратился из Лондона к французам с призывом к сопротивлению. Петен избрал другой путь: он подписал пакт о капитуляции, стувивший все наши надежды. Как же быстро мы проиграли эту войну!

Выказав лояльность нацистской Германии, маршал Петен поверг Францию в один из самых мрачных периодов ее истории. Республика пала, уступив место тому, что отныне стало называться французским государством. Карту рассекла горизонтальная линия, поделившая страну на две зоны - оккупированную на севере и так называемую свободную на юге. Однако свобода эта оказалась весьма относительной. Каждый день появлялся очередной набор декретов, обрекавших на бесправное существование два миллиона иностранных граждан, мужчин, женщин и детей, живших во Франции; отныне им запрещалось работать по специальности, учиться в школах, свободно передвигаться, а вскоре, очень скоро, просто-напросто жить.

Эти иностранцы когда-то приехали сюда из Польши, Румынии, Венгрии, бежали из Испании и Италии-в те времена наша страна, потом вдруг утратившая память, крайне нуждалась в них. Нужно было как-то восполнить население Франции, потерявшей четверть века тому назад полтора миллиона мужчин, которые погибли в окопах Первой мировой войны. Почти все мои товарищи были иностранцами, и каждый подвергался на родине репрессиям, многолетним преследованиям. Немецкие демократы на себе испытали, что представляет собой Гитлер, участники гражданской войны в Испании пережили диктатуру Франко, а беженцы из Италии - фашистский режим Муссолини. Они стали первыми свидетелями всевозможных проявлений ненависти и нетерпимости, этой поразившей Европу пандемии с ее жуткой чередой мертвецов и неисчислимыми бедствиями. Все понимали, что капитуляция - только пролог, худшее еще впереди. Но кто стал бы слушать провозвестников беды? Франция больше не нуждалась в них. И беженцы с востока и с юга были арестованы и отправлены в лагеря.

Маршал Петен не просто отказался от борьбы, он намеревался сотрудничать с новыми диктаторами Европы, и в нашей стране, впавшей в оцепенение под руководством этого старца, уже всю засуетились премьер и другие министры,

префекты, судьи, жандармы, полицейские, фашиствующие милиционеры, стара-
ясь перешеголять друг друга в своих гнусных преступлениях.

2

Все началось с почти детской игры три года назад, 10 ноября 1940-го. Хмурый маршал Франции в сопровождении нескольких префектов в мундирах, украшен-
ных серебряными лавровыми листьями, начал с Тулузы объезд *свободной зоны* страны, ставшей по его милости жертвой оккупантов.

Странное, парадоксальное зрелище: толпы растерянных людей, зачарованно
взирающих на воздетый жезл маршала, этот скипетр бывшего вождя, вернувшего
к власти, носителя нового порядка. Только новый порядок Петена принес
нам одни несчастья: раскол общества, доноительство, ссылки, убийства и вар-
варскую жестокость.

Некоторые из тех, кто скоро вступит в нашу бригаду, уже знали, что представ-
ляют собой концлагеря, куда французское правительство сгоняло людей, имев-
ших несчастье быть иностранцами, евреями или коммунистами. Жизнь в таких
лагерях на юго-западе страны - в Гюре, Аржелесе, Ноз, Ривсальте - была
сплошным кошмаром. И потому все, у кого находились там арестованные друзья
или родственники, воспринимали приезд маршала как посягательство на ту по-
следнюю крошечную частицу свободы, которая у нас еще оставалась.

Однако население готовилось бурно приветствовать маршала, и мы должны
были ударить в набат, избавить людей от страха, опасного страха, который, за-
владевая массами, понуждает людей опускать руки, смиряться, молчать, оправ-
дывая свою трусость только тем, что сосед поступает так же; а если сосед посту-
пает так же, стало быть, нужно следовать его примеру.

Для Косса, одного из самых близких друзей моего младшего брата, как и для
Бертрана, Клуэ и Делакура, вопрос стоит иначе, - они не намерены опускать
руки и помалкивать; мрачный парад, который готовится на улицах Тулузы, они
решили превратить в громкую демонстрацию протеста.

Сегодня наша главная задача - добиться, чтобы слова правды, слова о мужестве
и достоинстве разбудили собравшихся. Текст составлен неумело, но при этом
ясно выражает все, что должно быть выражено, и потом, так ли уж важно, о чем
говорится или не говорится в этом тексте! Остается придумать, каким способом
распространить наши листовки с максимальным эффектом, но при этом не уго-
дить сразу же в лапы стражей порядка.

И наши ребята здорово все устроили. За несколько часов до начала шествия
они пересекают площадь Эскироль со свертками в руках. Полиция бдительно
следит за прохожими, но кого волнует стайка вполне безобидных подростков?!
И вот уже они у цели - возле жилого дома на углу улицы Мец. Тут же все четве-
ро бегом взбираются по лестнице до самой крыши, надеясь, что там не посадили
снайпера. Слава богу, на крыше пусто, у их ног простирается город.

Косса собирает устройство, изобретенное им и его друзьями. У самого кар-
низа на низкие козлы кладется доска, она может качаться вверх-вниз. На одном
конце доски лежит кипа напечатанных на машинке листовок, на другом стоит
полный бидон воды. В дне бидона просверлена дырочка, и пока вода тоненькой
струйкой сочится из нее в водосточную трубу, парни выбегают на улицу.

Автомобиль с маршалом приближается, Косса поднимает голову и с улыбкой
глядит на карниз дома. Лимузин с откинутым верхом медленно ползет по улице.

Бидон на крыше почти опорожнился и стал совсем легким, другой конец доски перевешивает, и листовки разлетаются по воздуху. Этот день, 10 ноября 1940 года, станет первым днем осени маршала-предателя. Взгляни в небо: там порхают листки, и несколько таких листов, к великой радости гаврошей, в которых неожиданно проснулось мужество, опускаются на кепи маршала Петена. Люди в толпе, нагнувшись, подбирают листовки. Начинается переполох, полиция бестолково мечется во все стороны, и те, кто слышал, как подростки вместе со всеми восторженно приветствуют кортеж, даже не подозревают, что этими криками они знаменуют свою первую победу.

Потом ребята расходятся, каждый к себе. Вернувшись этим вечером домой, Косса даже представить себе не может, что три дня спустя он будет арестован по доносу и проведет два года в камерах центральной тюрьмы Нима. Делакур не знает, что через несколько месяцев будет убит французскими полицейскими в ажанской церкви, где укроется от преследования, а Клуэ неизвестно, что в будущем году его расстреляют в Лионе; что же до Бертрана, никто не отыщет место в поле, где он упокоился навсегда. Косса освободится из тюрьмы с изъеденными туберкулезом легкими и уйдет в партизаны. Его снова арестуют и на этот раз депортируют в Германию. Ему будет всего двадцать два года, когда он умрет в Бухенвальде.

Как видишь, для наших друзей все началось как игра, и играли в нее дети, которые так и не успели стать взрослыми.

И еще я должен рассказать тебе про Марселя Лангера, Яна Герхарда, Жака Энсея, Шарля Мишалака, Хосе Линареса Диаса, Стефана Барсони, про всех тех, кто присоединится к ним в последующие месяцы. Это они - первые дети свободы, это они создали 35-ю бригаду. Зачем? Да чтобы сопротивляться! И важнее всего их история, а не моя; прости, если временами память будет мне изменять, если я в чем-нибудь ошибусь или перепутаю чье-то имя.

"Разве имена так уж важны? - сказал однажды мой друг Урман. - Нас было мало, и по сути дела мы были единым существом. Мы жили в страхе, мы постоянно скрывались, мы никогда не знали, что принесет нам завтрашнее утро, - вот почему так трудно сегодня в точности припомнить хотя бы один из тех, прошедших, дней".

3

Поверь мне на слово, война никогда не походила на фильм, ни один из моих товарищей не выглядел как Роберт Митчем ², и если бы у Одетты были такие ноги, как у Лорен Бакалл ³, я бы уж наверно рискнул поцеловать ее, вместо того чтобы мяться, как последний дурак, стоя у кинотеатра. Тем более что на другой день двое нацистов застрелили ее на углу улицы Акаций. С тех пор я не люблю акацию.

Я знаю, в это сложно поверить, но самое трудное было найти людей из Сопротивления.

С тех пор как сгинули Косса и его товарищи, мы с моим младшим братом совсем захандрили. Жизнь в лицее, с антисемитскими рассуждениями историка, он же географ, и саркастическими выпадами учеников филологического класса, с которыми мы дрались, была не очень-то веселой. Я проводил вечера возле радиоприемника, в ожидании вестей из Лондона. В начале учебного года мы нашли у себя на партах листочки с заголовком "Комба" ⁴. Я приметил парня, который

выскочил из нашего класса, это был беженец из Эльзаса по фамилии Бергольц. Со всех ног я помчался за ним и, нагнав во дворе, сказал, что тоже хочу заниматься этим - распространять листовки для Сопротивления. Он только посмеялся надо мной, но все-таки мне удалось стать его помощником. И в последующие дни после занятий я поджидал его на улице. Едва он выходил из-за угла, я направлялся в другую сторону, и он ускорял шаг, чтобы догнать меня. Вместе мы совали в почтовые ящики голлистские газеты, а иногда бросали их на открытые трамвайные площадки, перед тем как спрыгнуть на ходу и удрать.

Однажды вечером Бергольц не появился у лица после уроков, и больше я его не видел...

С того времени мы с моим братишкой Клодом садились после занятий в пригородный поезд, идущий на Муассак. Мы тайком ездили в Замок. Это было большое здание, где прятались дети депортированных родителей; девушки-скауты собирали там этих ребят и заботились о них. Мы с Клодом приезжали, чтобы вскопать им огород, а самым маленьким иногда давали уроки арифметики и французского. Каждый раз, приезжая в Замок, я умолял Жозетт, директрису этого заведения, дать мне хоть какую-то зацепку, чтобы вступить в ряды Сопротивления, и каждый раз она смотрела на меня невинными глазами, делая вид, что даже не понимает, о чем идет речь.

Но вот однажды она завела меня к себе в кабинет.

— Кажется, я могу тебе кое-чем помочь. Подходи к дому номер двадцать пять по улице Байяр в два часа дня. Один человек спросит у тебя, который час. Ты ответишь, что у тебя часы не ходят. Если он скажет: "Вы случайно не Жанно?" - значит, это тот, кто тебе нужен.

Вот так это и случилось...

Я взял с собой братишку, и мы отправились к дому № 25 по улице Байяр, в Тулузе.

Он появился в сером пальто и фетровой шляпе, с трубкой в уголке рта. Бросил газету в мусорную корзинку, прикрепленную к уличному фонарю; я никак не отреагировал, потому что это было бы нарушением приказа. Мне велели ждать, когда он спросит время. Он подошел ближе, остановился и смерил нас взглядом; когда я ему ответил, что мои часы не ходят, он назвался Жаком и спросил, кто из нас двоих Жанно. Я поспешно шагнул вперед, ведь Жанно - это был я.

Жак лично набирал людей для подпольной работы. Он никому не доверял и имел для этого веские основания. Я знаю, не очень-то хорошо так говорить, но нужно понимать тогдашнюю обстановку.

В тот момент мне еще не было известно, что через несколько дней один из партизан, Марсель Лангер, будет приговорен к смерти стараниями французского прокурора, который потребовал для него смертной казни и добился своего. Все, кто жил во Франции, в свободной или в оккупированной зоне, были твердо уверены, что, после того как кто-нибудь из наших прикончит этого прокурора возле его дома, скажем, в воскресенье, когда он пойдет на мессу, ни один суд больше не посмеет требовать смертной казни для арестованного партизана.

Не знал я и того, что именно мне прикажут убить одного мерзавца, высокопоставленного милицейского чина, доносчика и убийцу многих молодых участников Сопротивления. Этот гад так никогда и не узнал, что у него был шанс сохранить себе жизнь. Я до того боялся выстрелить в живого человека, что чуть

не намочил штаны, чуть не бросил оружие, и если бы эта сволочь не взмолилась "Пощадите!" - а ведь сам-то он никого не щадил, - во мне не вскипел бы праведный гнев, заставивший всадить ему в живот пяток пуль.

Да, мы убивали. Долгие годы я повторял одно и то же: невозможно забыть лицо человека, в которого ты стреляешь. Но мы не убили ни одного невинного, не трогали даже тех, кто творил зло по глупости. Я знаю, и мои дети тоже будут знать, что это и есть самое главное.

Ну а пока Жак рассматривает меня, изучает со всех сторон, чуть ли не обнюхивает по-звериному, доверяя только своему инстинкту, потом глядит мне прямо в лицо, и то, что он скажет через две минуты, перевернет всю мою жизнь:

– Чего ты конкретно хочешь?

– Попасть в Лондон.

– Тогда я ничем не могу тебе помочь. Лондон далеко, и там у меня нет никаких контактов.

Я ожидал, что он сейчас повернется и уйдет, но Жак не уходил. Он смотрит на меня в упор, и я делаю вторую попытку:

– А вы можете связать меня с макизарами? ⁵Я хотел бы сражаться вместе с ними.

– Это тоже невозможно, - отвечает Жак, раскуривая трубку.

– Почему?

– Потому что ты, судя по твоим словам, хочешь сражаться. А в маки не сражаются, самое большее, что можно делать, это передавать посылки или информацию, и сопротивление пока еще очень пассивно. Если хочешь сражаться, иди к нам.

– К кому это - к вам?

– Ты готов к уличным боям?

– Все, что я хочу, это убить нациста, перед тем как умереть. Мне нужен револьвер.

Я выпалил это с таким гордым видом, что Жак расхохотался. А я никак не мог понять, что тут такого смешного, мне-то ситуация казалась скорее трагической! Но именно это и развеселило Жака.

– Ты начитался книжек; теперь придется научить тебя пользоваться мозгами для дела.

Его покровительственный тон слегка уязвил меня, но сейчас не время было демонстрировать свои обиды. Вот уже несколько месяцев я пытался нащупать контакты с Сопротивлением и боялся все испортить.

Я подыскиваю нужные слова, но они не приходят на ум, пытаюсь найти довод, который убедил бы его, что я не кто-нибудь, что на меня вполне можно положиться. Жак угадывает мои мысли, улыбается, и в его взгляде я вдруг замечаю что-то похожее на искорку нежности.

– Мы сражаемся не для того, чтобы умирать, а для того, чтобы жить, ясно?

Он вроде бы не сказал ничего особенного, но меня точно громом поразило. Это были первые слова надежды, услышанные мной с начала войны, с тех пор, как я стал лишенцем без всяких прав, статуса, документов в стране, которую еще вчера считал своей. Я остался без отца, без родных. Что же произошло? Вокруг меня все замерло в оцепенении, у меня украли жизнь просто потому, что я еврей, и одного этого множеству людей достаточно, чтобы желать мне смерти.